

Жерар де Пюимеж

ШОВЕН,
СОЛДАТ-ЗЕМЛЕПАШЕЦ

Эпизод из истории
национализма

Перевод с французского
В. А. Мильчиной

Издание осуществлено в рамках программы «Пушкин»
при поддержке Министерства Иностранных Дел Франции
и Посольства Франции в России

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1999

Данное издание выпущено в рамках программы Центрально-Европейского Университета «Translation Project» при поддержке Центра по развитию издательской деятельности (OSI – Budapest) и Института «Открытое общество. Фонд Содействия» (OSIAP – Moscow)

Пюимеж Ж. де

П 98

Шовен, солдат-землепашец: Эпизод из истории национализма / Пер. с фр. В. А. Мильчиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 400 с.

ISBN 5-7859-0039-4

До сих пор считалось, что французское слово «шовинизм» образовано от фамилии отважного солдата наполеоновской гвардии Никола Шовена. Историк и политолог Жерар де Пюимеж доказывает, что солдата Шовена в реальности не существовало и что этого персонажа – деревенского парня, который, будучи призван на военную службу, храбро воюет, а потом возвращается в родную деревню и вновь берется за плуг, – выдумали французские поэты и водевилисты 1820–1830-х годов. Восходящий к античности, разом и героический, и комический миф о «солдате-землепашце», воплощением которого стал Шовен, помогал французам тешить себя иллюзиями о единстве и сплоченности их нации. Книга Пюимежа – своего рода политическая и идеологическая история Франции XVIII–XX веков, в основу которой положен рассказ о французском изводе национализма, именуемом шовинизмом.

ББК 63.3(4Фра)5-3

На переплете воспроизведена литография с картины П. Р. Виньерона «Солдат-землепашец» (1818, 2-й вариант).

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su), only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0039-4

9 785785 900394 >

© Editions Gallimard. 1993

© В. А. Мильчина. Перевод на рус. яз., 1999

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

Благодарности	7
Введение	9

Часть первая ПОИСКИ ШОВЕНА

В поисках господина Шовена	15
Новобранцы и ветераны	41
Портреты героя	73
Военно-аграрный водевиль	86

Часть вторая МИФ О СОЛДАТЕ-ЗЕМЛЕПАШЦЕ

Античные истоки	111
Эволюция мифа: эпоха Просвещения	125
Идиллия в лосинах	152
Солдат-землепашец и Революция	160
Искоренение пауперизма: проекты колонизации и сельскохозяйственные комиции	188
Педагогика шовинизма	228
Взаимное обучение	232
Водевиль в гимнастическом зале	242
Школьные учебники и книги для народного чтения.	254
Основа системы — соревнование	269
Дух 48 года и воскрешение Империи	278
От 1870 года до маршала Петена	304

Часть третья
ИЗОБРАЖЕНИЯ МИФА

Лавина образов	325
Смерть в Аркадии	333

Заключение

Самобытность шовинизма	362
Призрак государственного национализма	367
Опыт психоаналитической интерпретации шовинизма	374
Основной миф	381
<i>Указатель имен.</i>	389

Благодарности

В основе этой книги лежит докторская диссертация по политическим наукам, защищенная в 1986 году в Женевском Институте высших международных исследований¹.

Прежде всего я должен выразить горячую признательность своему научному руководителю, профессору Миклошу Мольнару, без помощи которого моя книга скорее всего не увидела бы света. Дело в том, что интерес к сущности и происхождению *шовинизма* зародился у автора книги в ходе дискуссий, предшествовавших созданию коллективной монографии «Фанатизм: история и психоанализ»².

Я искренне признателен также профессору Саулу Фридендеру, чьи дружеские советы и критические замечания помогли мне уточнить некоторые выводы и, введя в оборот иностранный материал, тем самым расширить круг рассматриваемых явлений.

Я также глубоко благодарен профессору Пьеру Нора за интерес, проявленный к избранной мною теме и за неоценимую поддержку, которую он оказал мне в тот момент, когда мой многолетний труд близился к концу.

¹ Les Origines du chavinsisme, degré zéro du nationalisme français (1845—1848). Genève, 1987. См. также первый набросок этой книги в очерке «Солдат Шовен»: Les Lieux de mémoire / Sous la direction de Pierre Nora. T. II. La Nation. Vol. 3. Paris: Gallimard, 1986. P. 45—80.

² Haynal A., Molnár M., Puymège G. de. Le Fanatisme, histoire et psychanalyse. Paris: Stock, 1980.

Профессор Николаус Лобкович, ректор Эйхштеттского католического университета, своими замечаниями и вопросами помог мне на самом первом этапе работы точнее понять ее проблематику. Доктор Андре Эналь, профессор психиатрии Женевского университета, любезно позволил мне прибегать к его помощи всякий раз, когда мне требовались консультации, связанные с психоисторическими аспектами моего исследования. Профессор Жан Старобинский так же любезно сообщил мне многочисленные сведения из истории французской литературы XVIII и XIX веков, которую он знает в совершенстве.

Выдающиеся знатоки революции 1789—1794 годов и истории национального образования профессора Мона Озуф и Бронислав Бачко помогли мне разобраться в этих областях, а профессор Клод Николе — в римских истоках мифа о Шовене. Профессор Франсуа Вартель познакомил меня со своими неопубликованными работами, посвященными солдатам революционной армии и вознаграждению, которое им сулили.

Наконец, г-н Анри Жорж, председатель Археологического, исторического и художественного общества «Старые бумаги», подобрал для меня в своем собрании эстампов разнообразные гравюры, ставшие одним из важнейших источников моего исследования.

Всем им я выражаю свою искреннюю признательность.

Введение

«Став народным,— писал в 1927 году Жюльен Бенда,— национальное чувство очень скоро превратилось в национальную гордыню, в национальную обидчивость. Чтобы понять, каким страстным, совершенно иррациональным и удивительно мощным оно при этом сделалось, достаточно вспомнить о шовинизме — роде патриотизма, изобретением которого мы обязаны демократии»³. Всякий, кого интересуют современные политические страсти и в особенности крайние формы патриотизма и национализма, не может пройти мимо *шовинизма* — наиболее известного, наиболее очевидного и наиболее часто упоминаемого типа обостренной национальной экзальтации. Все словари и энциклопедии характеризуют это явление примерно одинаково. Речь идет о патриотизме — патриотизме чересчур пылком, агрессивном, воинственном и нетерпимом, доведенном до абсурда и смешном. Словари и энциклопедии сообщают нам также, что слово *шовинизм*, впервые прозвучавшее в начале 1840-х годов в водевилях, а затем перешедшее с театральной сцены в статьи литературных критиков (Теофиля Готье, а затем Сент-Бёва), произошло от фамилии французского солдата Никола Шовена, родившегося в Рошфоре (департамент Приморская Шаранта). Героический волонтер, сражавшийся в республиканской и наполеоновской армии, израненный в боях, награжденный крестом Почетного легиона, Шовен отличался от своих товари-

³ B e n d a J. La Trahison des clercs (1927). Paris: Grasset, 1977. P. 170.

щей по оружию силою патриотического чувства и любви к императору, благодаря чему в конце концов стал героем пьесы 1821 года «Солдат-землепашец» (нередко — без всяких на то оснований — приписываемой Скрибу), водевиля 1831 года «Трехцветная кокарда» и гравюр рисовальщика Шарле. Весьма любопытный случай антономазии! В мировой истории вообще немного людей, чье имя из собственного сделалось нарицательным и стало обозначать экстремистскую — и притом массовую — установку; особы же столь скромного происхождения среди этой горстки людей вообще практически не встречаются. Поэтому Никола Шовен, столь удивительным образом выделившийся из толпы прочих наполеоновских солдат и сменивший полную безвестность на ни с чем не сравнимую славу, бесспорно достоин самого пристального внимания. Ведь имя этого простого солдата превратилось в расхожий термин, широко употребительный не только во французском, но и в английском, немецком, испанском, итальянском, польском, чешском, русском языках... Причем термин этот оказался настолько выразительным и жизнеспособным, что в наши дни им стали обозначать явление, не имеющее отношения к национализму: англосаксонские феминистки ведут борьбу за освобождение женщин от Male Chauvinist Pig (свинского мужского шовинизма.— *англ.*)!

Следует ли полагать, вслед за словарями, что *шовинизм*, во всяком случае сразу после возникновения этого термина, обозначал просто-напросто крайнюю степень патриотизма или национализма? Быть может, правильнее было бы согласиться с Жюльеном Бенда, видевшим в шовинизме явление более частного порядка? Раз Никола Шовен сумел обратить на себя внимание своих боевых товарищей, а затем и широкой публики, значит, он был не просто рьяным патриотом и пылким поклонником императора — ведь таковыми были и все прочие солдаты старой гвардии. Новое слово, в особенности же такое популярное и живучее, могло родиться только в том случае, если в поведении Шовена имелось нечто специфическое, ни на что не похожее. Какое же необыкновенное при-

ключение, какая грандиозная пропагандистская кампания позволили безвестному наполеоновскому солдату завоевать невиданную славу и, даже в большей степени, чем Сад, Мазох, Бойкот или Пубель⁴, раствориться в успехе того дела, которое он совершил или олицетворил собой?

Исследовать истоки шовинизма—это значит попытаться понять, по какой причине фамилия героического воина Шовена превратилась в пейоративный термин (шовинист), в обозначение предосудительной установки (шовинизм). Это значит также попытаться ответить на вопрос, всегда ли слова «шовинист» и «шовинизм» имели тот уничижительный и насмешливый оттенок, который вкладываем в них мы, или же оттенок этот появился у них через много лет после их возникновения. Это значит также—и прежде всего—постараться определить, какая «вещь», какой психологический и политический феномен скрывались изначально за этим словом. Иначе говоря, нас будет интересовать не только и не столько история слова, сколько история возникновения некоей установки, ментальности или идеологии, появившихся в определенное время—в первой половине XIX века—и в определенном месте—во Франции.

Поскольку Шовен начал свой путь в революционной армии, а «шовинизм» как четко сформулированная позиция родился в начале 1840-х годов и был впервые зафиксирован в словарях в 1845 году, мы сосредоточили свое внимание на периоде 1790—1848 годов,—периоде *возникновения* шовинизма и его стремительного *развития*.

К началу революции 1848 года шовинизм уже полностью сложился; вторая Империя—эпоха его триумфа. Впрочем, в нашей книге речь идет не только о триумфальной судьбе шовинизма *после* избранного нами периода, но и о его *предвестиях* в «философской» литературе XVIII века и в идеологии Революции.

⁴ Эжен Рене Пубель (1831—1907)—префект департамента Сена в 1883—1896 гг., введший в употребление металлические урны для мусора, названные по его фамилии *poubelles*.—Примеч. переводчика.

В начале же нашего исследования мы займемся самим солдатом Шовеном: попытаемся выяснить, каково было его социальное происхождение, и восстановить по архивным источникам, мемуарам и работам историков его биографию.

Затем мы увидим, как театр и литография завладевают образом Шовена, окарикатуривают его и превращают в *тип*, порой положительный, а порой и отрицательный. Мы сможем констатировать, что за этим типом стоит более общая мифическая структура, которая также станет предметом нашего описания.

Понятно, что историк не может считать такие двусмысленные источники, как художественная литература или гравюры, свидетельства столь же объективными, что и старинная хартия, дипломатический договор или статистические выкладки. Поэтому мы сочли необходимым сопоставить наши источники со свидетельствами более «положительными»: с сочинениями либеральных историков эпохи Реставрации и Июльской монархии, с тогдашней полемикой об образовании, со школьными учебниками и моралистическими трактатами той поры. Если документы такого рода, датированные 1870—1914 годами и составляющие своего рода катехизис торжествующего национализма, исследованы очень подробно, то аналогичные тексты, созданные в более раннюю эпоху, изучены в куда меньшей степени, и мы постарались восполнить этот пробел.

Наконец, нам пришлось рассмотреть, каким образом умонастроения, выраженные в наших источниках, воплощались в жизнь. Поэтому мы сосредоточили свое внимание на тех случаях «шовинистского» поведения людей первой половины XIX века, о которых сохранились достаточно полные материальные свидетельства. Прекрасным примером в этом отношении служит маршал Бюжо—человек, который воплощал в своей повседневной практике всю символику становящегося шовинизма и который сделался идеальным героем легенд, бережно хранимых и передававшихся из поколения в поколение вплоть до эпохи маршала Петена. Впрочем, индивиду-

альное поведение Бюжо вполне вписывается в круг коллективных практик, доведенных до абсурда участниками неудачного эксперимента с «Полями приюта», и другого, менее трагического опыта — устройства военных колоний в Алжире, в основании которых принимал участие сам Бюжо. Наконец, такое популярнейшее и долговечнейшее коллективное установление, как *сельскохозяйственные комитеты*⁵, неопровержимо доказывает, что поведенческая установка, воплощенная в образе Шовена и выражавшаяся в бесчисленных водевилях и гравюрах, имела самое широкое распространение в реальной жизни.

Природа театральных и иконических текстов, равно как и природа того полуиррационального психологического факта, который составляет предмет нашего исследования, заставила нас прибегать, по мере возможности, к помощи психоистории. Благодаря этому нам удалось выделить общие структуры, темы и коннотации на уровне дискурса, а на уровне более глубоко — уловить скрытые, вытесненные фундаментальные элементы, то невысказанное, фантазматическое содержание, которое и интересует в первую очередь любого исследователя ментальностей и коллективных установок.

Эти темы и структуры проявляются в форме повторяющихся *лейтмотивов*. Нам представлялось важным проследить их бытование на протяжении длительного периода вплоть до самого недавнего времени, поэтому в нашей работе много цитат, так схожих одна с другой, что их обилие может вызвать у читателя некоторое раздражение. Тем не менее именно их повторяемость представляет особый интерес. Она лишний раз подтверждает историческую и политическую важность того явления, которое представляет собой не просто одну из сторон — впрочем, весьма ярких — французского национализма, но центральную линию его развития.

⁵ О сельскохозяйственных комитетах см. ниже, в главе «Искоренение пауперизма».

Часть первая ПОИСКИ ШОВЕНА

The Quest was ended.
Hail, strange and tormented Spirit,
in whatever hell or heaven has been allotted
for your everlasting rest!

A. J. A. S y m o n s. *The Quest for Corvo*, 1924⁶

В поисках господина Шовена

Порой мне на память приходит Никола Шовен — всеми забытый солдат из Рошфора, сражавшийся за Республику и Империю.

Жан Лестокуа. *История патриотизма во Франции от истоков до наших дней* (1968)

Кто же такой был господин Шовен? Первым исследователем, заговорившим о нем, стал знаменитый географ, путешественник и драматург Жак Араго — автор статьи «Шовинизм», вошедшей в Приложение 1845 года к «Словарю беседы». Статья Араго — довольно путаный текст, разъясняющий двойственную — если прибегнуть к терминам из знаменитого «Предисловия к „Кромвелю“» Виктора Гюго, «фарсовую» и «драматическую» — природу шовинизма, представляющего собою не что иное, как неуклюжее выражение патриотизма и самоотверженности, «неумеренное проявление» чувства в высшей степени благородного, но осмеянного поэтами и карикатуристами. Так вот, в конце статьи Араго помещает краткую биографию героя-эпонима: «Никола Шовен, тот самый, кому французский

⁶ Поиски окончены. Привет тебе, странный и страдающий Дух, куда бы тебя ни определили на вечное житье, в преисподнюю или на небеса! А. Дж. А. Саймонс. В поисках Корво (англ.).

язык обязан появлением слова, стоящего в названии этой статьи, родился в Рошфоре. В восемнадцать лет он стал солдатом и с тех пор участвовал во всех кампаниях. Семнадцать раз он был ранен, причем ранен только в грудь и никогда—в спину; ампутированные три пальца, сломанная рука, страшный шрам на лбу, сабля, врученная в награду за мужество, красная орденская ленточка, двести франков пенсии—вот что нажил за свою долгую жизнь этот старый вояка, отдыхающий от ратных трудов под солнцем родного края в ожидании того часа, когда земляки воздвигнут деревянный крест над его могилой... Трудно было бы отыскать для *шовинизма* более благородного патрона»⁷.

Пьер Ларусс, самолично сочинивший для своего «Словаря» статью «Шовинизм», сообщает некоторые дополнительные сведения: «Этот старый вояка неизменно выказывал такое простодушие и такую неумеренность в изъявлении своих чувств, что боевые товарищи в конце концов начали посмеиваться над ним. Постепенно Шовен прославился не только среди военных, но и среди гражданского населения, и слово „шовинизм“ стали употреблять всякий раз, когда речь заходила о поклонении Наполеону и вообще о всяких неумеренных изъявлениях чувств, прежде всего в области политической»⁸.

В «Большой энциклопедии» Шовен удостоился специально посвященной ему статьи, автор которой, историк Дебидур, в основном идет следом за Араго и Ларуссом: «Французский солдат, родившийся в Рошфоре, семнадцать раз раненный в войнах времен Революции и Империи. Простодушная страстность его патриотизма и преклонения перед императором не в меньшей степени, чем его отвага, способствовала его популярности в армии. Над старым воякой слегка посмеивались. Позже он сделался героем песен, и публика изобрела слово „шовинизм“, которым стала обозначать всякое искрен-

⁷ Arago J. Chauvinisme // Dictionnaire de la conversation et de la lecture. Sous la direction de M.-W. Duckett. Supplément. Lettre C. Paris, 1845. P. 455.

⁸ Larousse P. Chauvinisme // Grand Dictionnaire universel du XIX siècle (1866—1879). Genève: Slatkine Reprints. 1982. T. 3 (1867). P. 1111.

нее и порой забавное изъяснение неумеренной любви к Франции, которой отличались в старые времена наши солдаты»⁹.

«Словарь Французской академии» не сообщает о Шовене ничего нового; больше того, он куда скупее на подробности. В 1854 году эссеист и журналист Луи Журдан жаловался на то, что «Академия, которая с трудом тащится в хвосте у языка, до сих пор не включила в свой словарь это забавное слово, которому, однако, суждена долгая жизнь, ибо в нем одном заключен целый период нашей новейшей истории»¹⁰. Только в седьмом издании академического словаря, которое вышло в 1879 году, появилась наконец статья «Шовинизм», определяющая этот термин как «очень разговорное слово, которое употребляют, когда желают высмеять чересчур пылкое восхищение славой французского оружия». Фигуру самого Шовена академики, рассматривавшие слово «шовинизм» между 5 и 12 января 1871 года, обошли молчанием; никаких следов подготовительных разысканий, предшествовавших написанию статьи, в бумагах Академии не осталось.

Писатель Жюль Кларети, опубликовавший в 1913 году в газете «Ган» статью, посвященную памяти Никола Шовена, вносит в уже известную нам картину несколько новых штрихов: «Выйдя в отставку, Шовен вернулся в Рошфор и поступил привратником в префектуру. Во время короткого пребывания Наполеона в Рошфоре перед отплытием на Святую Елену Шовен ни на минуту не отошел от дверей комнаты, где почивал его повелитель. Отъезд императора и возвращение Бурбонов с их белым флагом привели старого солдата в состояние крайнего возбуждения. Он унес старое трехцветное знамя к себе домой, постелил его на кровать вместо простыни и проворчал: „Тут и помру“; слово свое он сдержал»¹¹. Кларети опирался при написании этой статьи на работу доктора

⁹ Debidour A. Chauvin // La Grande Encyclopédie, Inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts par une société de savants et de gens de lettres. Paris: H. Lamirault et Cie, s. d. (1886—1902). Т. 10. P. 986.

¹⁰ Jourdan L. Le Chauvinisme // Le Siècle. 12 octobre 1854.

¹¹ Claretie J. Le Temps. 3 janvier 1913. P. 3.

Голара, опубликованную в 1912 году в «Бюллетене Рошфорского географического общества». Впрочем, Голар, в конце своего сочинения выражающий надежду на то, что «на здании рошфорской казармы морской пехоты имя Золя будет заменено именем рошфорца Шовена»¹², сомневается в достоверности эпизода со знаменем. В эпоху Реставрации и при Июльской монархии подобные истории рассказывались в салонах постоянно, причем героем их совсем не обязательно выступал Шовен. У Беранже есть песня с похожим сюжетом. А повар Талейрана, Карем, отказавшийся переехать в Англию, пошутил: «Я умру, как солдат старой гвардии, завернувшись в свои знамена!»¹³ Какова была истинная последовательность событий: приписали Шовену этот патриотический жест задним числом или же, напротив, именно этот жест и принес ему славу? Впрочем, одна фраза, даже столь яркая, не могла снискать ему ту огромную известность, какой он пользовался. Таким образом, главный вопрос по-прежнему остается без ответа: какое необычайное происшествие и/или какая пропагандистская кампания привели к тому, что безвестный, скромный солдат Шовен дал свое имя столь распространенной политической и психологической установке?

В надежде отыскать ответ на этот вопрос мы обратились к работам историков. Политическая и историческая литература, посвященная национализму, весьма обширна; существует несколько ценных научных библиографий, в которых мы рассчитывали найти одну или несколько биографий нашего живописного героя¹⁴. Каково же было наше удивление, когда

¹² Gaulard, docteur. Bulletin de la Société géographique de Rochefort. 1912. T. 34. P. 110.

¹³ Castelot A. L'Histoire à table. Paris: Librairie Académique Perrin, 1972. P. 132.

¹⁴ Pinson K.-S. A Bibliographical Introduction to Nationalism, with a Foreword by Carlton J. Hayes. New York: Columbia University Press, 1935; Deutsch K.-W. An Interdisciplinary Bibliography of Nationalism, 1935—1953. Cambridge (Mass.): Technology Press of the M. I. T., 1956; Deutsch K.-W., Meritt R.-L. Nationalism and National Development: An Interdisciplinary Bibliography. Cambridge: M. I. T. Press, 1970 (переизда-

выяснилось, что ни Шовену, ни шовинизму не посвящено не только ни одной монографии, но даже ни одной серьезной и обстоятельной статьи! Эдуард Кребиэл¹⁵ ссылается на «Немецкий шовинизм» Ниппольда — обстоятельную компиляцию отрывков из немецкой прессы вплоть до первой мировой войны; газетные статьи снабжены комментариями¹⁶, но никаких сведений о Шовене мы в них не найдем. На общем фоне выделяется только очень интересная статья социолога Жана Казнева «Предыстория шовинизма», опубликованная в 1960 году¹⁷; автор очень тонко связывает шовинизм с квазиинстинктами первобытного трайбализма¹⁸, носящими одновременно и изоляционистский, и экспансионистский характер, и приходит к выводу о специфике шовинизма, который «не тождествен ни патриотизму, ни национализму»¹⁹. Однако о жизненном пути Шовена Казнев также не сообщает нам ничего нового.

Мы надеялись найти полезную информацию и глубокий анализ в классических исследованиях, посвященных национализму, — не тут-то было²⁰.

ние предыдущего, увеличенное на 3200 названий); Cook B. *Bibliography on Peace Research in History*. Santa Barbara, California: American Bibliographical Center/Clio Press, 1969; Schaffenth G., Huber W. et al. *Bibliographie zur Friedensforschung*. Stuttgart: E. Klett, 1970. Boulding E., Passmore J.-R., Gassler R.-S. *Bibliography on World Conflict and Peace*. Boulder, Colorado: Westview Press, 1979. 2nd ed.

¹⁵ Krehbiel E.-B. *Nationalism, War and Society: A study of nationalism and its concomitant, war, in their relation to civilization, and of the fundamentals and the progress of the opposition to war*. New York: Macmillan, 1916.

¹⁶ Nippold O. *Der deutsche Chauvinismus* (1913); фр. пер.: *Le chauvinisme allemand / Préface d'Albert Michaud*. Paris: Payot, 1921.

¹⁷ Cazeneuve J. *Préhistoire du chavinisme // La Table Ronde*. 1960, mars. P. 127—136.

¹⁸ Племенной или этнический сепаратизм в обществе, сохраняющем пережитки родоплеменного деления. — *Примеч. переводчика*.

¹⁹ Cazeneuve J. *Op. cit.* P. 136.

²⁰ Мы не найдем ни слова о шовинизме и Шовене ни у Карлтона Хэйеса (Hayes), ни у Браунталя, ни у Кедури, ни у Снайдера (Snyder), ни у Карла Дейча, ни у Жирарде, ни у Сюратто, ни у Тальмона или Зельдина.

Знаменитое исследование национализма, опубликованное Королевским институтом иностранных дел в 1939 году и содержащее одно из первых упоминаний понятия «Nation-State» (Нация-Государство.—англ.), объявляет термин «шовинизм» советским изобретением²¹.

Ганс Кон упоминает шовинизм и Шовена лишь в одной из своих работ, да и то в примечании, из которого мы узнаём лишь следующее: «Слово «шовинизм», вошедшее во все европейские языки, восходит к фамилии старого солдата Шовена, чьи воспоминания о славе революционной и наполеоновской армии, доведенные до степени фанатического патриотизма, были изображены в водевиле „Трехцветная кокарда“, сочиненном в 1831 году Тианом (sic!) Ипполитом Куаньяром»²².

Под пером Гордона Райта Шовен предстает противником унижительных для Франции договоров 1815 года, борющимся в эпоху Реставрации за их пересмотр: «Эта кампания окрасилась в шовинистические тона (а язык обогатился новым словом) вследствие деятельности, которую развили ветераны наполеоновской армии, такие как Никола Шовен»²³. Но в чем, собственно, заключалась эта деятельность? Этого Гордон Райт, к сожалению, не объясняет. Жан Лестокуа с большим чувством рассказывает о Шовене во введении к своей «Истории патриотизма во Франции», однако все приводимые им факты

²¹ Carr E.-H. (sous la présidence de). Nationalism: A Report by a Study Group of Members of the Royal Institute of International Affairs. London, 1939. P. 74.

²² Kohn H. Prophets and Peoples, Studies in XIXth Century nationalism. New York, 1957. P. 50, note 4. В других работах Кона, таких как: The Idea of Nationalism: A Study in its Origins and Background. New York: Macmillan, 1944; Nationalism, its Meaning and History. Princeton: O. Van Nostrand, 1955; The Age of Nationalism. New York: Harper and Bros., 1962; Prelude to Nation-States, the French and German Experience, 1789—1815. Princeton: O. Van Nostrand, 1967,—о шовинизме и Шовене не говорится ровно ничего.

²³ Wright G. France in Modern Times, 1760 to the Present. Chicago: Rand Mac Nally and C^o; London: John Murray, 1962. P. 242.